

к величайшему его удовольствию». ⁷⁰ С этими словами Флетчера следует сопоставить послесловие Федорова в московском Апостоле, в частности его свидетельство, что «царь ... нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем ... Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению». Вот эта царская милость и могла вызвать «зависть и ненависть» к печатникам. Но основной причиной, заставившей Федорова и Мстиславца уйти за пределы Московского государства, было, конечно, «озлобление ... начальник, священноначальник и учитель» против книгопечатания, как одного из факторов централизаторской политики Грозного.

В данном случае есть некоторая параллель с современником Федорова, видным политическим мыслителем Ермолаем-Еразмом. Ермолай тоже подвергался преследованиям «ради зависти», как писал он, обращаясь к Грозному: «иногда же пред тобою и позорна наркоша мя и бесна своея ради зависти». И дальше просит защиты у Грозного: «от ненавидящих мя ... их же един ты могши взрадити, а ин никто же». ⁷¹

Невольно возникает вопрос, почему же с аналогичной просьбой не обратился к Грозному Федоров, почему не искал он у него защиты? Ведь судя по первым строкам львовской «Повести», где Федоров мог совершенно свободно говорить о царе, отношение Грозного было к нему отнюдь не враждебно, скорее наоборот. Возможно, что Федоров и делал такие попытки, но «доступити» царя было нелегко. «11 лет минуло, не могу доступити тебя, государя...», — писал другой современник Федорова, выдающийся публицист, идеолог дворянства Иван Пересветов. — Кому ни подам память, и они до тебя, государя, не донесут, велможы твои». ⁷² О том же говорит он и в другом месте: «А яз тебя, государя, благовернаго царя, доступити не могу, пожаловатися на них». ⁷³

Хотя Грозный в это время и был поглощен всевозможными заботами по устройству опричнины, однако трудно допустить, чтобы распушенные слухи о ереси первопечатников не дошли до него. Но чем он мог помочь им? Виновники этих слухов, сделав свое черное дело, отошли в сторону; а применять репрессии к посаду было не в интересах Грозного. Посад — это те слои Москвы, которые в январские дни 1565 г. решительно стали на сторону Грозного: «А хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят», ⁷⁴ — заявили они. «Выступление посада и явно враждебная его позиция по отношению к боярству понудили феодальную знать, группировавшуюся вокруг митрополита Афанасия, капитулировать перед царем». ⁷⁵ Взять печатников под свою защиту, «повелети» им продолжать печатание значило рисковать вызвать возмущение посада. Причины же для этого были: те «волки» и «сильные», избавить от которых просили Грозного посадские, оставались в своей силе. А «возмущение великое» 1547 г., когда «изменники, — писал Грозный Курбскому, — наустили были народ и нас убити», ⁷⁶ вряд ли изгладилось из его памяти. На Стоглавом соборе, вспоминая о событиях, связанных с пожаром, он признался, что «от сего убо вниде страх в душу мою и тре-

⁷⁰ Д. Флетчер. О государстве Русском, изд. 2 СПб., 1905, стр. 96

⁷¹ В. Ф. Ржигга Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, 1926, вып. XXXIII, стр. 192

⁷² Сочинения И. Пересветова. Под ред. Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М—Л, 1956, стр. 163.

⁷³ Там же, стр. 164.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 393.

⁷⁵ С. В. Бахрушин. Классовая борьба русских городов XVI—начала XVII в. — Ученые записки МГУ, вып. 156, Труды Кафедры истории СССР, М., 1952, стр. 26.

⁷⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 35 (первое послание Курбскому).